

Виктор КУДРЯВЦЕВ

* * *

Из преисподней, лютой и багряной,
Вставало солнце. Волки за болотом
Насторожились, слыша детский плач.
...В далёком Петербурге мылил петли
Палач, сопя усердно, в равелине...
Поэт курчавый, обхватив руками
Копну волос, глядел в свинцовый мрак.
На сотни вёрст вокруг стонала вьюга
И прятала в слепую мешковину
Поля, просёлки, купола церквушек,
Сивушный бред российских кабаков...
Чернели избы, крытые соломой,
Господним гневом и солёным потом
Рабов послушных, для которых горе –
Родиться – горше горя – умереть.
...В болоте за рекою выли волки.
Лучина догорела и погасла.
Суровой ниткой стиснув пуповину,
Дивилась повитуха: «И везёт
Тебе на девок! Я со счёта сбилась...
Мужик, поди, опять начнёт браниться...
Сегодня пятница? Ну, значит, Просей
Окрестит поп твою лихую муку».
...И окрестил. И выжила – назло
Словам отца, болезням, недороду,
Когда, незванная, входила трижды в избу,
Чтоб увести сестёр тихоня-смерть.
Не голосила долго и протяжно:
У барыни – мигрень, поскольку сука
Забросила щенков новорождённых
И надобно кормилицу найти...
А вот когда нагайкой на конюшне,
Заворотив подол льняной рубахи,
Ей рвали мясо белоснежных бёдер
При дворне всей, при мужиках, Петре,
Сжимавшим вилы в ярости бессильной,
Заплакала, давась стыдом и болью...
Перемогла... чтобы на Красной горке
Стать Колосковой – мужнею женой.

...Вставало солнце там же, за болотом.
В Березине текла вода густая, –
Чернее ночи, медленней телеги,
Нагруженной снопами, от которых
До срока сгорбилась Прасковьяна спина.
Рождались дети, следом – умирали
От скарлатины, тифа и поноса.
И выли волки. И Россия выла, –
Несчастливая, убогая вдова.
Ей дали волю, но не дали землю,
А что ей делать с призрачной свободой, –
Ростовщику отдаться за полушку?
В скит схорониться, или в полынью?
«Не бабьего ума печали эти», –
Качая внуков, думала Прасковья.
Жужжала прялка. Пел сверчок за печкой.
Ложился снег, и таял в свой черёд.
И время шло, размеренно и чинно,
Как служба благодатная на Пасху,
В Микулино, под хор незримых певчих,
Когда душа стремилась в небеса...
Когда она покинула Прасковью
Совсем, усталой белой голубицей, –
Под старую берёзой вырос холмик,
Встречая век неистовый, двадцатый.

...Ей не узнать до дня Суда Господня,
Какие ветры выли над страную,
Какие грозы жгли дома и нивы,
Какие песни пелись перед смертью;
Ей не увидеть, как Пантелеймону,
Вспоров живот студёным острым жалом,
Набили брюхо под завязку рожью
Кулацкие насмешливые руки;
Как над Авдотьей суд вершил расправу
За колоски, худую жменьку жита,
Как малышня опухшая ревела,
Когда её с безумными глазами
Тащили силой в «чёрный воронок»;
Как Серафим, на Ладоге, зимой,
Всё силился спасти машину с хлебом
Для ленинградцев и ушёл под воду,
Стежком кровавым «мессера» прошитый.

...Камыш, осока, злой чертополох,
Нагих калин истерзанные грозди –
Стеною сорной подпирают небо
Вокруг погоста посреди России,
Забытого людьми и даже зверем,
Глухого, как токующая птица,
Хранящего на тёмно-синем камне
Тугую вязь – Прасковья Колоскова.

* * *

Гале

За голубую пыльную шторой
(Уже, наверно, в третий раз)
Пускается старик по морю:
Он ловит – нас.

Ещё чужих, ещё несмелых
(В своих мы чувствах не вольны),
С предательской дрожью тела,
Как рябь волны.

Как неприступны эти губы...
Как терпки запахи духов...
Ещё привиделся кому бы
Такой улов?

«Отдай желанную добычу,
Суровый тёмный океан», –
Старик, полуживой, талдычит,
От боя пьян.

...И вот она порой ночью –
Вся тайна, вся огонь, вся «ах!» –
Трепещет золотой блесною
В моих руках.

Март 2023, КВЦ им. Тенишевых
(на выставке А. Петрова)

* * *

Привиделось? Помстилось? Показалось?
Развеялось в закатной сизой дымке?

...Каталось эхо – бочкой – у вокзала.
В саду шептались ветви-невидимки.

На водопой сошлись нагие звезды,
То там, то здесь мерцали в талых лужах.
Казалось, женщиной пропитан самый воздух
Офонаревших статуй неуклюжих.

И снова – речи рук о том, что было
И никуда за столько лет не делось,
О том, что одиночество – постыло,
И просит корма, как и прежде, тело.

Как не поверить этим чутким пальцам?
Они нахальны и... совсем не грубы.

...Ты прижимаешь плюшевого зайца
(Из детства).

И уже не прячешь губы...

Март 2023, Лопатинский сад

* * *

Там нет тебя, там лишь забытый свет
За безразличной пластиковой рамой
Штатается по комнате упрямо
И понимает, что тебя в ней нет.

Ушли перчатки, куртка, сапоги,
Дыханье, смех, манящий запах кожи...
Остались мураши прощальной дрожи
На лестнице, где не видать ни зги.

Следы укроет равнодушный снег
(Подумаешь, – где падать, с кем ложиться...)
Студёная звезда на чёрном ситце
Опять зажжётся, только не для всех.

Колючий ветер, полы теребя,
Пальто погонит вдоль по тротуару,
Чтобы, за парой обгоняя пару,
Молчать на весь квартал: «Там нет тебя!..»

* * *

Половички, герани, кружево
(Стыдливый брежневский уют)
Меня, подростка неуклюжего,
В избе соседской стерегут.

Часы, прихрамывая, цокают.
Ложатся тени по углам.
Не потому ль, что одинокая,
Солдатка рада пацанам?

Пока она рукою ветхою
Кладёт клубнику в туюсок,
Закатный луч кровавой меткою
Марает зло, наискосок
Половички, герани, кружево,
На стенке свадебный портрет,
Где баба Тоня вместе с суженым
Стоит вдовою сорок лет.

* * *

Девочка смотрит в окошко:
осень –
первая
в пока ещё крохотной жизни.
Улыбается,
ни о чём не просит,
провожая глазёнками
жёлтые листья.

Бабушка Соня
к окну прилипла:
молит Господа –
весны бы дожждаться...

Дворник внизу
ругается сипло.

(Вот и вся история,
если вкратце)

* * *

...И не разверзлись небеса,
и не обратилась в соляной столп
суетливая
послушная женщина,
собирающая по разнарядке
неразумных,
неверующих овец Его
на встречу
с митрополитом Исидором:
– Увидит его Высокопреосвященство,
сколь мало нас пришло в храм,
расстроится,
увидит Глава района –
ещё больше осерчает.

– А Господь?!
– А при чём здесь Господь, –
он-то не увидит...

* * *

В детстве,
на Пасху,
не было, наверное, в деревне
человека
несчастнее меня.
И в доме, и на улицах
царило радостное возбуждение:
односельчане христосовались,
дарили друг другу
крашеные луковой шелухой яйца.
Пацаны
тут же начинали
проверять их на прочность,

ударяя острыми носиками.
Победитель
забирал тёмно-красные,
розовые,
реже бирюзовые, трофеи
себе.
К вечеру
карманы приятелей
оттопыривались
под грузом пасхальных яиц.

Как я им завидовал!
Как хотел, чтобы и мне
взрослый мужчина,
а еще лучше красивая
звонкоголосая соседка
протянула нарядные
крашенные яйца:
«С праздником, Витя!
Христос Воскресе!»

Увы!
Я в отличии от всех деревенских пацанов,
включая старшего брата,
был некрещёным,
и у меня не было
ни крёстного отца,
ни крёстной матери,
ни подарков...
Сначала у родителей
не получалось
отвезти меня в церковь,
потом,
когда попрос,
я уже сам стеснялся в неё идти.

...Конец апреля.
Голое поле
на месте бывшей деревни.
Осторожно ступаю по мёртвой,
выжженной земле,
мерзко хрустящей под ногами,
покрывающей серым
невесомым пеплом

сапоги, одежду, волосы...
В небольшом углублении
между кочек
вижу три крупных
почерневших яйца.
Наклоняюсь над ними:
скорлупа одного
не выдержала мощного пламени
и лопнула,
обнажив белесоватую,
творожистую мякоть,
которой уже не суждено
стать птенцом.

«С праздником, Витя!
Христос Воскресе!» –
плачет в соседних кустах
невидимая
безутешная мать,
чуть поодаль
ей вторит другая, третья...
Хочу ответить им:
«Воистину Воскресе!»
и не могу:
яйца,
сваренные вкрутую,
застревают в горле,
душат,
заставляют прятать за спину
предательские,
измазанные в саже
руки.

* * *

Сначала
со стола упал нож
и чуть не расшарахал ногу,
следом – ложка,
закатившаяся под холодильник.

Доставая её,
опрокинул на пол
чашку с чаем.
Чертыхаясь,
стал собирать черепки.
Замер,
поперхнувшись
сочной вишенкой
на остроконечном осколке
прошлой,
почти забытой жизни.

(Оля любила эту чашку
больше остальных.
«Вифонки», –
лепетала она,
тыкая маленьким пальчиком
в аппетитную картинку)

В дверь позвонили.
Нетерпеливо, настойчиво.
«Ну, наконец-то!..» –
выскочила
на лестничную площадку
соседка.

Вот тебе и вифонки...

Взяв за ободок
двумя указательными пальцами
тарелку,
поднял на уровень груди,
отпустил.
Кухня взорвалась
нежным фарфоровым боем.
А может,
вовсе и не кухня,
а голова,
уставшая верить
в глупые приметы.

* * *

Утро-вечер, утро-вечер...
Свет закатный недалече,
Недалече путь домой:
Тихий, вечный, неземной.

Утро-вечер, утро-вечер...
Обними меня за плечи,
С легким сердцем отпусти.
Я любил тебя... прости...